

О.С.СУХИХ

(г. Нижний Новгород)

ПРОБЛЕМА ПРАВДЫ И ЛЖИ В ПЬЕСЕ М.ГОРЬКОГО "НА ДНЕ" И В ПОВЕСТИ Л.БОРОДИНА "ТРЕТЬЯ ПРАВДА"

В сб.: Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения - 2002. Материалы Международной конференции. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 310-316.

Как известно, в этом году исполняется ровно 100 лет с момента создания пьесы "На дне". Это одно из тех произведений, которые живут в "большом времени" и напрямую или "подспудно" оказывают существенное влияние на литературный процесс. Мотивы горьковской пьесы актуализируются в произведениях многих художников XX века, причем даже таких писателей, которые субъективно вовсе не опирались на традиции Горького, а иногда и относились к нему отрицательно. К примеру, произведения А.Вампилова и Л. Бородина близки к литературному потоку "деревенской" (или, как гораздо точнее ее иногда называют в критике, "онтологической") прозы 60-80-х гг., которая не ориентирована напрямую на горьковскую традицию в литературе. И все же в них отчетливо обнаруживаются типологические схождения с пьесой "На дне", т.к. проблематика этой драмы связана именно с "онтологическими" вопросами человеческого бытия, т.е. теми, которые затрагивают практически каждого, – с вопросами о природе человека, о правде и лжи, истине и сострадании.

В пьесе "На дне" перед нами не столько столкновение людей, сколько противостояние философских позиций, т.е. разных "правд". В повести "Третья правда" Л.Бородина – писателя, только что (в марте 2002 г.) отмеченного присуждением Солженицынской премии "за последовательное мужество в поисках правды", как сказано в решении фонда Александра Солженицына, – конфликт также развивается не между личностями как таковыми, а между различными пониманиями правды и лжи, их места в жизни и судьбе человека, различными вариантами поиска пути к истине и справедливости. Здесь перед нами тоже разные "правды": "красная", "белая", а также два варианта "третьей" правды: селивановский и рябининский. Селиванов считает, что борьба красных и белых не должна затрагивать "человека тайги": "Наша правда третья", – утверждает он, и, борясь за нее, он способен пойти на все, даже на убийство. Правда Ивана Рябинина – это глубоко христианский взгляд на мир, она в том, чтобы "души не мариать" ни при каких обстоятельствах, даже ради сохранения жизни и свободы. Очевидный социальный аспект сталкивающихся в повести "правд" со-

ставляет лишь внешний слой конфликта, а в его глубинном, философском слое он предстает как противостояние философских позиций, причем преимущественно в их этическом аспекте, поскольку противопоставляются не столько правда и ложь, сколько истина и сострадание, как и в горьковской пьесе. По словам Ф.Ницше, "быть правдивыми могут немногие, но всего менее могут быть ими добрые"¹. В повести Бородина, как и в пьесе Горького, правда толкуется и как соответствие реальности ("правда факта"), и как точка зрения, и как справедливость, идеал.

"Правда факта" в пьесе "На дне" практически всегда оказывается антигуманной, а потому вызывает резко отрицательную реакцию. Когда Бубнов говорит, что "нужно валить всю правду, как она есть", Клещ "вскакивает, как обожженный", и кричит: "Какая правда? Где правда? (Треплет руками лохмотья на себе). Вот – правда! Работы нет... силы нет! Вот правда!". Лука тоже возражает Бубнову: "Не всегда правдой душу вылечишь", – и рассказывает свою притчу о праведной земле.

В повести "Третья правда" тоже есть мысль о том, что "правда, как она есть", опасна для человека. Белый офицер Оболенский, боясь причинить страдания своей дочери Людмиле, скрывает от нее правду о том, что его болезнь смертельна, что это не простуда, как она думает, а чахотка в последней стадии. И действительно, когда Людмила узнает эту правду, ей становится невыносимо тяжело. Селиванову она говорит: "Словно воскрес ненадолго, чтобы снова уйти... (она лишь недавно обрела отца, о котором еще в детстве мать сказала ей, что он умер – О.С.). Я не могу!... Как я жить теперь буду!" И теперь мысль о неизбежной потере вызывает острые страдания. В эпизоде разговора Людмилы и Селиванова "правда факта" точно так же противопоставляется правде-справедливости, как и в пьесе Горького. Селиванов пытается утешить плачущую Людмилу: "Тебе Бог, считай, с того света послал дочерность познать! А сколько после той резни сиротами вечными остались!" – Она не принимала его слов, потому что не было в них *справедливости* для нее, а лишь *правда*, которую она и так знала, и неизвестно, может, лучше б и не знала". Так же отказывался принимать "правду, как она есть" Клещ, постепенно лишаящийся надежды выбраться со "дна": "За что мне правда?" Так же Актер цеплялся за свою иллюзию и обвинял Сатина во вранье, когда тот говорил ему, что нет никаких "лечебниц для органов". Так же и герой притчи о праведной земле отказывался принимать доводы ученого, обвиняя его во лжи. И Людмила у Бородина, и горьковские герои бессознательно борются с жестокой правдой, не хотят пропускать ее в свое сознание, соглашаться с нею.

Иван Рябинин, прошедший полжизни в лагерях, возвращается в родную деревню, ничего не зная о судьбе жены и детей. Селиванов же знает, что дочь Рябинина жива, а жена, которая была Рябинину дороже всего на свете, пропала и наверняка погибла. И он колеблется: "Говорить ли правду? ...взглянул Ивану в лицо и увидел в глазах тоже страх. Иван боялся

услышать правду, которая, будучи неизвестной, была надеждой, и ею можно было жить всю жизнь и даже жизнь продлить ею можно, когда камень градом сыпятся. А правда? Она что! Она факт! И может оказаться последним камнем на шее..." Еще один удар для Ивана – история его сына, пьяницы, лодыря, почти идиота, потерявшего человеческий облик. Селиванов снова колеблется, узнав эту правду, открывать ли ее другу, потому что ясно понимает: она Ивану "лишняя боль". В горьковской пьесе (да и в повести Бородин, в сущности, тоже) эта проблема доводится до трагической остроты: "правда факта" ведет не просто к разочарованию, а к гибели, т.к. человек, утративший иллюзию и связанную с ней надежду, теряет последнюю психологическую опору. В повести "Третья правда" смерть Ивана прямо не связана с тем, что он вдруг узнал тяжелую для него правду о судьбах родных; тут целая цепь "утраченных иллюзий"; его сердце надорвано постоянными страданиями и потерями: это и несправедливый суд, и лагерь, и смерть жены, и судьба сына, и, наконец, насилие над тайгой – его вторым домом, который он надеялся увидеть таким, каким он остался в его памяти, и где он надеялся найти последнее утешение. И эта надежда оказалась иллюзорной, а ее потеря – последней каплей: Иван умирает от разрыва сердца, увидев, что люди сделали с его родной тайгой.

Осознание губительной силы "правды факта" влечет за собой стремление скрыть эту правду, солгать из любви и жалости к ближнему. "Со страдание учит лгать", – писал Ницше². Горьковский Лука поступает именно по этому принципу, чтобы "вылечить души" Анны, Насти, Пепла, Актера. Так же думают и поступают и герои повести Бородин. Оболенский обманывает дочь, жалея ее, стремясь продлить ее счастье от встречи с отцом. Селиванов по натуре своей вообще немного артист, часто притворяется, играет какую-либо роль, но обычно без особой цели, а просто "из любви к искусству". Однако в те дни, когда судьба свела его с офицером и его дочерью, он начал лгать и притворяться уже совсем иначе – именно *из жалости*. Неожиданно для себя он принял близко к сердцу беду совершенно чужих людей (чужих, как и ночлежники для Луки), и жалость заставила его прибегнуть к утешительной лжи или хотя бы попытаться утешить страдающих, скрыв от них правду. Офицеру он говорит: "А чего помирать! Я вас в недельку на ноги поставлю! Корешок имею!" Людмилу он пытается утешить тем же способом, хотя прекрасно понимает, что это ложь: "Есть у меня корень целебный, авось вытянем!" Но если Луке удается хотя бы на время возродить веру людей в лучшее и вселить в них надежду, то у Селиванова это не получается. Он не привык к миссии утешителя и не умеет лгать так убедительно, как горьковский Лука. И офицер, и Людмила слишком хорошо знают, что ситуация безнадежна. Тот же самый результат получается и тогда, когда Селиванов попытался скрыть от Людмилы, что ему пришлось убить Длинного (офицера, помощника ее отца, пытавшегося и ее использовать в интересах "белого" дела, сделать ее

своей связной, что неизбежно погубило бы ее). Селиванов не без оснований думает, что Людмиле лучше ничего не знать об этом убийстве: это только лишний тяжелый камень на душу, ведь убийство совершено во многом ради нее. Он лжет наивно и неумело – и Иван, и Людмила быстро "разоблачают" его обман.

Впоследствии Селиванову приходится еще несколько раз переживать подобные ситуации уже в связи с Иваном. Ему очень хотелось бы скрыть от друга правду о гибели Людмилы, но это невозможно. Ему страшно сказать Ивану о сыне, который почти потерял человеческий облик. Сначала ему кажется, что он не имеет права скрывать такие вещи, потом он колеблется, а в последнюю минуту уже готов промолчать, не открывать правды, и лишь стечение обстоятельств заставляет его поступить иначе. "Может быть, не нужно ничего этого делать? – размышляет он. – Что путного выйдет? Ивану – лишняя боль... Еще мгновение, и он бы отказался от затеи, но появился Оболенский". В самые острые моменты нравственного выбора Селиванов всегда пытается солгать или скрыть правду, и, хотя каждый раз ему это не удается, в конечном счете и для героя, и для автора, и для читателя остается открытым вопрос о том, стоило ли говорить в каждом из этих случаев правду, не принесла ли она еще больше зла.

И в "На дне", и в "Третьей правде" есть герои, которым чужды способность и желание лгать из сострадания. В пьесе Горького это Сатин и Бубнов. Позиция первого из них – это преклонение перед неким абстрактным, вполне ницшевским сверхчеловеком ("Наполеон, Магомет – в одном") и отсутствие жалости к конкретному человеку (Анне, Актеру, Насте). Позиция второго заключается в словах: "Все люди на земле лишние". Сатин признает: "Кто слаб душой, тем ложь нужна", – но сам никогда не утешает слабых ни ложью, ни чем-либо другим, а, скорее, действует, как советовал ницшевский Заратустра: "Падающего толкни!" Бубнов тоже не видит смысла в жалости, а значит, и в утешающей лжи. В "Третьей правде" таким "правдолюбом" оказывается Длинный, один из самых антипатичных всем, в том числе и автору, персонажей. Пожалуй, он единственный, о ком можно однозначно сказать, что это отрицательный герой. В нем совсем нет добра, вообще каких-либо истинно человеческих качеств, он прямолинейный, фанатичный, безжалостный "борец за идею". Людмила называет его "злой гений". Именно он говорит ей о том, что отец ее болен смертельно. Говорит просто так или даже именно с целью доставить боль человеку, т.к. в тот момент для открытия "правды, как она есть", нет никакой особой причины.

Иван Рябинин тоже оказывается "разоблачителем лжи" в тот момент, когда Селиванов пытается скрыть от Людмилы убийство Длинного. Иван сразу распознает неумелую ложь своего друга и понимает, что тому все равно не удастся никого обмануть. "Не рви душу человеку, коли врать

не умеешь, – угрюмо сказал Иван. Людмила быстро обернулась к нему, испугом зашлось ее лицо. – Шлепнул он его! – ответил Иван на ее молящий взгляд".

Иван говорит правду не из-за отсутствия жалости, а, наоборот, потому, что жалеет Людмилу, не хочет продлевать ее сомнения, которые слишком мучительны и все равно неизбежно кончатся раскрытием убийственной правды. Для Людмилы страшно насилие, даже совершаемое во имя добра и спасения, и тем более мучительна для нее мысль о том, что убийство произошло из-за нее, ради сохранения ее жизни. А Иван вообще из тех людей, которые не могут лгать, потому что это противно их натуре. Его позиция определяется интуитивным чувством того, что лгать – это безнравственно. Кстати, Клещ у Горького сначала тоже считает, что ложь ни к чему, не понимает и не принимает позиции Луки, но к концу пьесы, настрадавшись и разочаровавшись во всем, отказывается от правды, эволюция его взглядов явно идет в направлении философии "взбаламутившего" ночлежку старика. Иван в повести Бородина проходит во многом тот же путь, что и Клещ. Будучи уже пожилым, пережившим тяжелейшие жизненные испытания человеком, он начинает сомневаться в пользе "правды, как она есть", колеблется, стоит ли открыть дочери, что он ее отец. У него возникает желание если не солгать, то скрыть правду и не вносить смятения в жизнь Натальи. Да и в его молодости был момент, когда, он, зная правду, не открыл ее никому. Селиванов рассказал ему об убийстве "звездачей", посягнувших на его родной таежный Чехардак, и Иван решил не выдавать его, хотя и не принял его позиции: ради защиты своей "правды" не останавливаться ни перед чем, даже перед убийством, кто бы на эту правду ни посягнул – красные "звездачи" или фанатики белой идеи. В тот момент, когда Иван узнал о преступлении Селиванова, они еще не были друзьями, да и хранить селивановскую тайну было более чем опасно. И все же Иван через некоторое время сказал ему: "В общем, я ничего про твои дела не слышал!" В той ситуации сокрытие правды было хотя и преступлением перед властью, но в то же время проявлением человеческой порядочности. И оно не противоречит глубоко христианскому мироощущению Ивана. Среди библейских десяти заповедей есть закон "Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего"³. Но это совсем не то же самое, что запрет лгать вообще, ведь иногда обман диктуется именно христианскими чувствами.

Типологические схождения в разработке сходных мотивов между горьковской пьесой и повестью Л.Бородина, на мой взгляд, вполне очевидны. В художественно-философской концепции обоих произведений есть и другие сближающие их параллели. И там, и здесь понятие "правды" означает не только соответствие реальности. Есть еще и правда как "точка зрения", афористически выраженная в тезисе Луки: "Во что веришь, то и есть". В пьесе "На дне" есть такого рода свои "правды", свои "веры" у Буб-

нова и Барона, у Сатина и Луки. В "Третьей правде" друг другу противостоят "белая" и "красная" правды", а также и с той, и с другой сталкивается "третья правда", как ее понимают Рябинин и Селиванов (причем у каждого из них она своя). Кроме того, в обоих произведениях правда олицетворяет еще и высшую истину, справедливость, идеал. В пьесе "На дне" это значение слова "правда" возникает, когда Актер цитирует стихи Беранже о поисках дороги к "правде святой", а в "Третьей правде" – когда речь идет о тернистом пути к вере Ивана Рябинина: безвинно осужденный лагерник нашел такую "святую" правду в христианстве.

Все эти совпадения в постановке и решении проблем правды и лжи в творчестве столь разных писателей, как Максим Горький и Леонид Бородин, говорят о том, что в пьесе "На дне" подняты такие "коренные вопросы, вопросы духа"⁴, которые принадлежат к разряду "вечных", возникают вновь и вновь, волнуют художников, совершенно различных по своим мировоззренческим установкам, и делают горьковскую пьесу произведением, которому суждена жизнь не только в прошедшем уже со дня ее создания веке, но и в будущем "большом времени". Горьковская постановка этой проблемы как проблемы этической, связанной с соотношением истины и сострадания⁵ стала, если можно так выразиться, своеобразным художественно-философским "архетипом" для очень многих произведений литературы XX века, в том числе иногда и в творчестве писателей, субъективно никак не ориентированных на горьковскую литературную традицию. И это не только "деревенщики", но и писатели совершенно иного склада ума и типа творчества, например, Николай Нароков или Александр Зиновьев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ницше Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1990. С. 150

² Там же. С. 163.

³ Вт.кн. Моисея: Исход. Гл.20.

⁴ Этими словами М.Горький охарактеризовал в письме А.П.Чехову еще в 1899 г. проблематику "Легенды о великом инквизиторе" Ф.М.Достоевского. // Горький М. Материалы и исследования. Т. 2. М.-Л., 1936. С. 163

⁵ А еще раньше такая же, этически ориентированная постановка её, правда, в составе более сложного комплекса сопутствующих "вечных" проблем и мотивов – в той же "Легенде о великом инквизиторе" Ф.М.Достоевского).